

различные силы и линии: чаяния реформ в высшем образовании, меценатская поддержка этих реформ (не только Шанявскими, но и рядом других видных меценатов), беспрецедентное трёхлетнее прохождение документов в государственных инстанциях, формирование в самом университете нового типа профессуры, стремящейся к образовательным и научным инновациям, появление нового типа студенчества, пришедшего в университет именно за знаниями, и катастрофа в Московском университете с уходом лучшей его профессуры в ответ на реакционные акции министра народного просвещения Л.А. Кассо. Поэтому реставрировать опыт Университета им. Шанявского не реально, но анализировать этот опыт надо, и замечательная книга Р.А. Фандо не отменяет такой анализ, а, напротив, способствует ему.

* * *

Одна из последних акций Правления Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского — обращение 27 апреля 1920 г. во Всероссийский Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с просьбой о помощи вдове Альфонса Леоновича Шанявского Лидии Алексеевне Шанявской, которая в результате флуктуаций революции и гражданской войны оказалась вместе со своим бывшим секретарём Э.Р. Лауперт в совершенно безвыходном положении и крайней нищете в глухом Чернигове без надежды выбраться из него. Эта женщина, самозабвенный единомышленник и соратник А.Л. Шанявского, всегда была как бы в тени, но в критический период, когда затянувшаяся на три года бюрократия с утверждением документов об открытии университета поставила под угрозу реализацию самой идеи университета, добивалась аудиенций у министра народного просвещения и даже самого П. Столыпина, чтобы спасти положение. Она приняла активное участие в строительстве зданий университета в Миусах. Сама она, наследница большого состояния, не смела прикасаться к нему, считая, что всё оно принадлежит университету, жила более чем скромно, и вот дошла до последней черты. Правление университета ходатайствовало о назначении ей пайка и возможности её переезда в Москву.

Это ходатайство было удовлетворено, назначен паёк, Лидия Алексеевна переехала в Москву и скоро скончалась. Похоронили её в могиле мужа в Алексеевском монастыре. Кладбище, как и сам монастырь, впоследствии были уничтожены⁶.

A.L. Shanyavsky's University: a Variety of Educational Practices and Stimulation of the Development of Science

V.I. ONOPRIENKO

Institute of research of scientific and technical potential and history of science of NAS of Ukraine named after G. M. Dobrov, Kiev, Ukraine; valonopr@gmail.com

⁶ Сотникова Ирина. Традиция благотворительности на ниве просвещения // Истина и жизнь. 2006. № 6. URL: <http://www.istina.religare.ru/article292.html>.

The author commends the book by Roman Fando, noting excellent design and illustrations, the use of many statistical and sociological materials, and very informative appendixes. Using a new documentary basis, the author provides a non-trivial analysis of non-state higher education in Russia, the emergence of the first public and private educational institutions, the notorious “women’s issue” in domestic higher education, the factor of philanthropy in the development of Russia’s intellectual potential. The reviewer briefly recounts the main points of the book and intersperses them with other well-known materials. He concludes that in the light of the current problems of the development of science and education in Russia, it is not realistic to restore the experience of Shanyavsky’s University, but it is necessary to analyze that experience, and this remarkable book by R.A. Fando contributes greatly to such analysis.

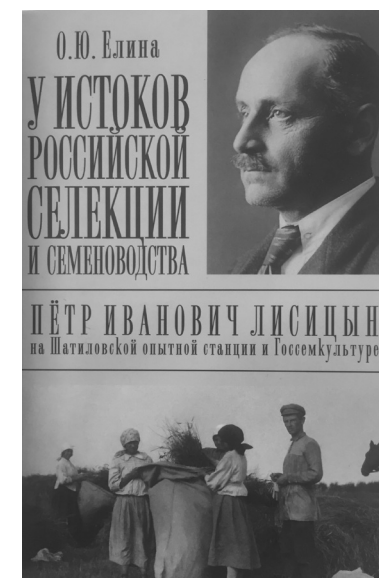
DOI: 10.24411/2076–8176–2018–11982

Петр Иванович Лисицын и развитие сельскохозяйственной науки в России

К.О.РОССИЯНОВ

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Россия; rossiianov@yandex.ru

Представляя на суд читателя новую книгу⁷ — биографию выдающегося российского селекционера, организатора сельскохозяйственной науки Петра Ивановича Лисицына (1877–1948), О.Ю. Елина признается, что подход её к жизнеописанию Лисицына — апологетический. Подобный подход традиционен, по мнению автора, для отечественной истории науки, испытавшей влияние русской классической литературы. Влияние, как может предположить читатель, заключается в личном отношении к герою, несклонности к объективно-внешнему, бесстрастному описанию. Возможно, однако, «апологетичность» автора обусловлена также и сознанием сделанного Лисицыным — его достижениями в выведении новых сортов культурных растений, вкладом в организацию отечественной сельскохозяйственной науки, в создание селекции как новой

⁷ Елина О.Ю. У истоков российской селекции и семеноводства. Петр Иванович Лисицын на Шатиловской опытной станции и Госсемкультуре. М.: Наука, 2016. 360 с.

отрасли знания, возникшей и развивающейся на стыке фундаментальных и прикладных исследований. Достижениям, очевидно, способствовали обстоятельства времени и места — десятилетия, предшествовавшие сталинской коллективизации и засилью лысенковщины, были отмечены быстрым, успешным развитием отечественной сельскохозяйственной науки; событиям же последних двадцати лет жизни героя, умершего за несколько месяцев до августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., посвящена лишь небольшая по объёму заключительная часть книги. Наконец, сама судьба учёного предстаёт как впечатляющий пример социальной мобильности — сын волостного писаря из Калужской губернии, Лисицын не только оканчивает Московский университет и Московский сельскохозяйственный институт, но и становится одним из виднейших представителей отечественной агрономии и селекции.

Обстоятельства жизни учёного воссоздаются автором на основе досконального изучения многочисленных архивов: материалов Мемориального кабинета-библиотеки П.И. Лисицына, переписки Лисицына с близким другом агрохимиком А.Н. Лебедевцевым, документов Государственного архива Калужской области, архива Тимирязевской сельскохозяйственной академии и многих других. Описывая годы юности и взросления учёного, автор уделяет особое внимание его отцу — человеку выдающихся дарований, придерживавшемуся, согласно Лисицыну, оригинального мировоззрения, в котором соединились идеи шестидесятничества и толстовства. Обсуждая в переписке с сыном, готовившимся к поступлению в Московский университет, выбор профессии, Лисицын-отец решительно высказывается в пользу медицинского факультета, и не просто из практических соображений, но полагая, что изучение медицины позволяет «познать себя». Несмотря на советы отца, Лисицын поступает на юридический факультет Московского университета, однако через год переводится на естественное отделение физико-математического факультета, а по его окончании в 1903 г. поступает сразу на третий курс Московского сельскохозяйственного института, специализируясь по кафедре частного земледелия у Д.Н. Прянишникова. Выбирая профессию агронома, Лисицын мог, согласно предположению автора, следовать примеру Прянишникова, который по окончании Московского университета также решил получить сельскохозяйственное образование. Известно, что решение Прянишникова было связано с общим для русской интеллигенции его времени желанием приносить пользу, чисто же научная карьера представлялась ему, по собственному признанию, «чем-то вроде устройства личной “кельи под елью”» (Прянишников, 1961, с. 84). Возможно, однако, что для Лисицына, сделавшего этот выбор 16 годами позднее, основную роль сыграли научные мотивы. Неслучайно автор отмечает важность для героя книги «творческой работы», возможной, по его мнению, лишь на какой-либо из существовавших в то время опытных сельскохозяйственных станций (с. 125).

История жизни Лисицына прослеживается Елиной на фоне развития отечественной сельскохозяйственной науки, что заставляет задуматься и о более общем историческом контексте — быстрой модернизации, происходившей в эпоху между «великими реформами» 1860-х гг. и Первой мировой войной. Представителями народнической интеллигенции необходимость преодоления отсталости осмысливалась в терминах служения народу, возможного, в частности, в рамках земской деятельности — организации больниц, школ, опытных станций, оказания агрономической помощи крестьянству. Отсталостью страны было озабочено и государство, однако поддержкой агрономических исследований правительство начинает заниматься парадоксально поздно — в 1890-е годы, почти через два века после начала реформ Петра I, что в нема-

лой степени способствовало характерному, по словам Елиной, «разрыву между европейским уровнем российского естествознания и в целом отсталым сельским хозяйством» (с. 17–18). В то же время использование научных знаний для преодоления отсталости ставит перед нами вопрос о влиянии модернизации не только на общество, но и саму науку, которую сложно представить себе в роли простого орудия прогресса. Так, благодаря трудам историков мы знаем, что в Европе, в частности в Германии, модернизация сопровождалась растущей профессионализацией науки, которой сопутствовали специализация и, в известной мере, сужение культурного горизонта учёных (Hagwood, 1993). По свидетельству Д.Н. Прянишникова, это коснулось и сельскохозяйственной науки. Посетив в 1903 г. в очередной раз Германию, он отмечает характерные для начала XX в. изменения: если раньше среди профессоров в его области преобладали учёные «с интересами, кроме агрохимии, и к общечеловеческой культуре», то тип «новых профессоров» представляли «бритые, подтянутые молодые люди» с военной выправкой, лишённые широких культурных интересов (Прянишников, 1961, с. 167). Позднее Прянишникова будут беспокоить сходные изменения в русской высшей школе — растущая специализация, чреватая фрагментацией знания и «дезагрономизацией» сельскохозяйственного образования, которое, по его мнению, должно оставаться «единым и цельным» (Прянишников, 1917, с. 12–16).

Однако в первую очередь опасения у русских агрономов вызывало то, что быстрым развитием и специализацией науки размывались этические ценности, столь важные для целостности их профессии: увлечение собственно научными исследованиями превращало агронома из просветителя и помощника крестьян в учёного, далекое от нужд народа. Уже в предыдущей, вышедшей в 2008 г. и посвящённой истории сельскохозяйственных опытных учреждений монографии (Елина, 2008; см. Россиянов, 2010), Елина подробно охарактеризовала две «школы» в русской агрономии — защитников «научных исследований» и поборников «распространения знаний». Лисицын, представитель молодого поколения агрономов, видел будущее опытного дела в развитии научной работы, а становление научной селекции, которой он себя посвящает, стало возможно как раз благодаря достижениям фундаментальных знаний, прежде всего методам генетики и статистического анализа. С другой стороны, развитие научной агрономии не ослабило, а, вопреки опасениям старшего поколения агрономов, усилило связь между наукой и практикой, обусловив расширение сети опытных станций, что имело существенное значение и для «распространения знаний». Во-первых, данные о свойствах нового сорта растений или агроприема следовало конкретизировать для различных климатических и почвенных условий, что стало возможно с развитием метода полевого опыта. Во-вторых, научная селекция ставила сложную задачу распространения сортовых семян с поддержанием их «чистоты», что предполагало систему размножения на опытных станциях и во вновь организованных специальных хозяйствах. Примечательно, что широкой публикой эти изменения остались во многом незамеченными: даже в 1920-е гг. экспериментальные станции, как отмечает автор (с. 258), зачастую воспринимались как «образцовые», или «показательные» хозяйства, призванные демонстрировать крестьянам преимущества правильного ведения хозяйства, тогда как их главная задача — научные исследования и испытание новых сортов — отходила в сознании неспециалистов на задний план.

С одной из опытных станций, находившейся в Тульской губернии Шатиловской, оказалась связана творческая судьба Лисицына: в 1908 г., после двухлетней службы по призыву в армии, он начинает работать в должности помощника заведующего,

затем — руководителя отдела селекции. Занимаясь выведением новых сортов овса, ржи, проса, Лисицын проявлял особый интерес к селекции клевера — растения-азотфиксатора, позволяющего улучшить свойства почвы, организовывал экспедиции для изучения дикорастущих форм растения. В то же время крупные опытные станции, к которым относилась Шатиловская, могли существовать лишь в окружении мелких, связанных друг с другом как задачами испытания новых сортов, так и переноса достижений науки в практику. Подобная система, сеть опытных учреждений возникла в России незадолго до Первой мировой войны, что ставит перед читателем вопрос о положенных в основу ее организации принципах. После того, как на рубеже веков проект создания чисто государственных опытных станций не увенчался успехом, правительство, по словам автора, последовательно придерживалось линии на «слияние частных, общественных и казенных опытных учреждений в единую государственную сеть, объединение усилий “правительства и земств”» (с. 178). В 1908 г. Министерством земледелия и государственных имуществ было созвано Всероссийское совещание по опытному делу с участием представителей не только правительственных ведомств, но и земств, научных и сельскохозяйственных обществ, высших учебных заведений. Постановление совещания легло в основу закона об опытных учреждениях, утверждённого царем в 1912 г., которым предусматривалось, что крупные («областные»), обслуживающие сразу несколько губерний опытные станции создаются совместно государством и земствами, тогда как многочисленные местные станции организуются и финансируются из бюджета земств, сельскохозяйственных обществ, других общественных организаций (с. 195).

Тем самым функционирование единой сети станций стало возможно благодаря сотрудничеству министерства и общественных организаций, их желанию и умению находить общий язык. Достичь этого не удалось бы, если план организации опытного дела был бы выработан в правительственных кабинетах с привлечением немногих экспертов и проводился бы в жизнь исключительно «сверху», усилиями государства, стремящегося к модернизации страны, но рассчитывающего лишь на собственные силы. По словам автора, «“Центр” не только не подавлял, но, наоборот, — стимулировал местную инициативу» (с. 196). После октябрьской революции 1917 г. эти принципы кардинально меняются — на первый план выходит стремление к централизации, подчинению опытных станций Наркомату земледелия, причём это стремление характерно теперь для самих учёных. Несмотря на то, что в их руки переходит после революции большое число национализированных поместий, в которых организуются новые опытные станции, учёные лишаются финансовой поддержки из-за ликвидации земств и национализации банковских вкладов, в том числе принадлежавших земствам и сельскохозяйственным обществам. При этом трениями отмечены и отношения с местными властями, что заставляет специалистов станций искать союза с центральной властью, чтобы сохранить опытное дело в условиях разрухи и организационного хаоса. Решением совещания по опытному делу, состоявшегося в 1918 г., опытные станции переходят в ведение Наркомата земледелия, но при этом предполагается, что Наркомат возьмёт на себя их финансирование и хозяйственное обеспечение, тогда как научное руководство будет доверено самим учёным, регулярно собирающимся на съезды по опытному делу. Однако, автономия профессии, которая раньше обеспечивалась балансом интересов государства и общества, оказывается призрачной — автор подробно останавливается на реформе 1923 г., когда внезапно для научного сообщества Наркомземом была создана комиссия по пересмотру сети опытных учреждений. И хотя целью комиссии было сокращение финансирования, что было в свою очередь связано с трудностями пере-

хода к НЭПу, результатом её работы стало лишение съездов по опытному делу функции руководства научной работой.

Если раньше автономия учёных обеспечивалась тем, что зависимость от многих патронов обеспечивала больше степеней свободы, чем зависимость от одного, то после революции опытное дело, подчинённое Наркомзему СССР, превращается в своего рода «объект» административного управления. В результате реформы 1923 г. опытная сеть перекраивается, теряя целостность. Часть станций передается в ведение местных органов власти, среди оставшихся в особую группу выделяются крупные станции, на которые возлагается задача научных исследований, тогда как остальным вменяется в обязанность внедрение научных результатов в практику и обслуживание местных потребностей. По-видимому, Лисицын не может примириться с разрывом, возникающим между научными исследованиями и практическим применением их результатов, инициируя в начале 1920-х гг. создание т. н. Госсемкультуры — государственной системы массового размножения чистосортных семян, интегрирующей опытные селекционные станции — рассадники сортов, призванные размножать получаемые от станций семена новых сортов, а также крестьянские семеноводческие кооперативы. Как показывает автор, система во многом продолжала прежние традиции опытного дела, поскольку была основана на самоуправлении и самокупаемости и строилась «снизу» — местные госсемкультуры создаются в различных регионах, а в 1925 г. проходит их всероссийский съезд. Однако в 1927 г. госсемкультуры передаются в подчинение особым трестам, а занимающиеся селекцией опытные станции остаются в ведении Наркомзема, что вновь порождает разрыв между исследованиями и распространением их результатов. Анализируя дальнейшую судьбу опытной сети, автор по-новому характеризует и роль созданной в 1928 г. ВАСХНИЛ: интегрируя прикладные и фундаментальные исследования, академия внесла свой вклад в ломку существовавшей системы опытных станций, строя свою работу не по территориальному принципу, как существовавшие до этого станции, а отраслевому, предусматривавшему ответственность опытного учреждения за ту или иную сельскохозяйственную культуру — от выведения сорта до вопросов возделывания и переработки.

Крах проекта госсемкультур побуждает Лисицына оставить в 1928 г. Шатиловскую опытную станцию и впервые заняться, перешагнув пятидесятилетний рубеж жизни, преподаванием — в 1929 г. он становится заведующим кафедрой селекции Тимирязевской сельскохозяйственной академии. И хотя учёный продолжает заниматься селекцией, двум последним десятилетиям его жизни посвящены считанные страницы короткой заключительной главы книги. Рискнем предположить, что скромность сказанного автором об этом периоде жизни учёного объясняется не скромностью вклада в науку, а скорее тем, что вызванные коллективизацией масштабные, катастрофические перемены составляют резкий контраст тому миру, в котором жил до этого герой Елиной, — миру несовершенному, но поддававшемуся улучшению. Можно представить себе меру горечи учёного, представления которого о научно выверенном полевом опыте попирались в 1930-е гг. Т.Д. Лысенко, сторонниками т. н. мичуринской агробиологии, предлагавшими эксперименты на опытных станциях заменить «массовыми опытами» в колхозах. В значительной степени Лысенко опирался на движение т. н. хат-лабораторий, выросшее из существовавшего в 1920-е гг. движения крестьян-опытников, к которому тогда уже Лисицын относился чрезвычайно скептически, считая его «попыткой на копеечную свечку Бога купить» (с. 261), негодной заменой работы специалиста-агронома. Язвительность и даже сарказм были свойственны учёному, когда он сталкивался

с пренебрежением профессиональным агрономическим знанием, что, возможно, объяснялось пониманием им уязвимости перед некомпетентным вмешательством научной агрономии и научной селекции, проходивших ещё период становления.

Хотя биография Лисицына неполна, книга Елиной представляет собой целостное исследование, что во многом объясняется целостностью рассматриваемого автором исторического периода, выделяющегося на общем фоне русской истории успешным развитием агрономии и селекции, переносом их достижений в практику. Если до реформ 1860-х гг. царское правительство уделяло мало внимания сельскохозяйственной науке, то с началом коллективизации отношения науки и практики начинают страдать от умозрительных схем и «массовых опытов» агробиологов. Вывод, напрашивающийся по прочтении книги Елиной, заключается в том, что успешная работа российских агрономов в первые десятилетия XX века была во многом связана с системой организации исследований — единство и общегосударственное планирование сочетались с разумной децентрализацией и множественностью источников поддержки. Возможно, подобная организация лучше всего соответствовала природе самой агрономической науки, имеющей дело с сортами и агроприемами в разнообразных климатических, почвенных и экономических условиях; применение же методов математической статистики сделало возможным точный учёт этого, иначе трудно уловимого разнообразия. Неслучайно, характеризуя новую, научную агрономию, Лисицын писал, что именно цифры и математические методы являются «альфой и омегой работы агронома-экспериментатора» (с. 215). На протяжении нескольких десятилетий развитие опытного дела, сельскохозяйственной науки в целом представляло резкий контраст «модернизации сверху», которую многие авторы склонны считать наиболее характерной для попыток российского, а затем советского правительства преодолеть отсталость и догнать развитые страны. Намного меньше внимания уделялось историками иным вариантам развития, с одним из которых мы можем познакомиться в книге Елиной. Возможно, успехи опытного дела более скромны, чем эпические неудачи советского периода, однако несправедливо было бы рассматривать позитивный опыт организации сельскохозяйственной науки в дореволюционной России как заранее обречённый на неудачу, неспособный преодолеть разрыв между образованным обществом и народом и потому проникнутый для участников событий «ощущением тщетности» (Joravsky, 1970, p. 12) их усилий. Поэтому важный вклад книги заключается, как представляется, ещё и в преодолении стереотипов, искажающих понимание не только особенностей развития отечественной сельскохозяйственной науки, но и российской истории в целом.

Литература

- Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в., в 2-х томах. М.: Эгмонт Россия, 2008. 480 + 488 с.
- Прянишников Д.Н. Агрономическая школа и политехнический строй. Петроград: [б.и.], 1917. 19 с.
- Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1961. 312 с.
- Россианов К.О. Опытные сельскохозяйственные станции и становление отечественной агрономии как профессии. Рец. на кн.: Елина О.Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений. (М., 2008) // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 2. С. 114–121.

Harwood J. *Styles of Scientific Thought: The German Genetics Community, 1900–1933*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 444 p.

Joravsky D. *The Lysenko Affair*. Chicago & London: University of Chicago Press, 1970. XI, 460 p.

References

- Elina O.Yu. (2008) *Ot tsarskikh sadov do sovetkikh polei. Istoriia sel'skokhoziaistvennykh opytnykh uchrezhdenii. XVIII — 20-e gody XX v. V 2-kh tomakh* [From the tsar's gardens to Soviet fields. A history of agricultural experimental institutions, eighteenth century to the 1920s. In 2 vols.], Moscow: Egmont-Russia.
- Elina O.Yu. (2016) *U istokov rossiiskoi seleksii i semenovodstva. Piotr Ivanovich Lisitsyn na Shatilovskoi opytnoi stantsii i Gossemkul'tura* [The origins of plant breeding and seed culture in Russia: Piotr Ivanovich Lisitsyn at the Shatilov agricultural experimental station and at Gossemkul'tura], Moscow: Egmont-Russia.
- Harwood J. (1993) *Styles of Scientific Thought: The German Genetics Community, 1900–1933*, Chicago: University of Chicago Press.
- Joravsky D. (1970) *The Lysenko Affair*, Chicago & London: University of Chicago Press.
- Prianishnikov D.N. (1917) *Agronomicheskaja shkola i politekhnicheskii stroi* [Agronomy schools and the structure of engineering education], Petrograd: n/a.
- Prianishnikov D.N. (1961) *Moi vospominaniia* [My recollections], Moscow: Selkhozgiz.
- Rossiianov K.O. (2010) “Opytnye sel'skokhoziaistvennye stantsii i stanovlenie otechestvennoi agronomii kak professii” [Agricultural experimental stations and the emergence of agronomy as a profession in Russia], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, vol. 2, no. 2, pp. 114–121.

Piotr Ivanovich Lisitsyn and the Development of Agricultural Science in Russia

KIRILL O. ROSSIANOV

Institute of History and Technology named after S.I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; rossiianov@yandex.ru

This article reviews Olga Elina's recent biography of Russian plant breeder Piotr Lisitsyn (1877–1948). Examining the author's perspective on Lisitsyn and his contribution to plant breeding and selection, I emphasize the importance of her insights into the broader context of Russian social history. I argue that Elina's analysis of the relationship between the government and the *zemstvos* in shaping the network of agricultural experimental stations significantly alters our understanding of the complex patterns of modernization in late Imperial Russia.